

Солженицын
Александр

19.4.95.

Фото Владимира БОГДАНОВА

Тридцать лет назад, так и не дождавшись Нобелевской премии, Анна Ахматова отправилась в утешительную поездку на Сицилию за премией Этна-Таормина. И если мы наслышаны об этой премии, то лишь благодаря Ахматовой.

Благодаря Александру Солженицыну на прошлой неделе заговорили о другой сицилийской награде — премии Бранкати. Нобелевский лауреат согласился принять ее, но только в Москве. Не то чтобы он из Москвы ни на шаг. День Победы, например, Александр Исаевич планирует провести не в Москве, а в Орле, потому что он участвовал в Орловской битве и брал Орел.

Но ни на Капри, ни на Сицилию пока не собирается.

Благоразумные сицилийцы не отступились. Прилетели в Москву, сняли Морозовский зал в "Метрополе", в плотном кольце теле- и фотопроптеров извлекли из плоского чемоданчика стеклянную пластину с накладным силуэтом своего острова и радостно одарили ею очередного избранника.

Церемония поневоле затянулась из-за безнадежных попыток найти для Солженицына исчерпывающее определение. Уже под занавес известный итальянский славист Витторио Странда откровенно заметил, что в присуждении премии Александру Солженицыну все-таки больше чести для премии, чем для ее нынешнего лауреата. Ведь Солженицын, про-

ст. 1995. — 19 апр. — с. 3.

Солженицын, какой он есть

Итальянская премия — русскому писателю

должал он, не просто писатель, это образ самой России, который связывает ее прошлое, ее настоящее и ее будущее.

Следом, срывая голос, заговорил министр культуры Евгений Сидоров:

— Солженицын — это не просто литературное явление. Солженицын — это уже исторический миф, это Россия, какой она должна быть.

Закинув ногу на ногу, Александр Исаевич мужественно всё выслушал.

Выслушал вдвоем с Натальей Дмитриевной, сидевшей обок, — и дважды: по-итальянски и по-русски. Выслушал и, надеюсь, забыл. По крайней мере в ответном слове он меньше всего говорил о себе. А говорил о горизонтах общечеловеческой культуры, о жаждом стремлении разных литератур к взаимопониманию и, наконец, сформулировал одну из самых насущных творческих проблем: как совместить высокий художественный уровень произведения и его массовую доступность?

— Легко было художникам, писателям XVI, XVII, XVIII веков: им хватало одобрения двух-трех высоких ценителей. Но уже со середины XIX века литература разливается по большим мас-

сам читателей. А подъем цивилизации, то есть обработки внешней среды, неизбежно сопровождается падением культуры, то есть обработки внутренней, душевой среды человека. В XX веке равно снижали культуру и социалистическое насилие, и западный принцип купли и продажи. Если мы здесь задыхались от цензуры и от преследований власти, то на Западе писатель не может отмахнуться от того, что издатель ему говорит: это не будет иметь спроса, это не пойдет.

Но задача остается, и я верю, что она разрешима, эта задача, — совместить самый высокий художественный уровень и действительно массовую доступность произведения. Правда, нечего надеяться, что достаточно создать, как сейчас делают, новые течения, ошеломительно новые приемы, отрезав все старое, — и тогда возникнет что-нибудь необыкновенное. Нет, это путь ложный, потому что здоровое развитие культуры состоит в разумном равновесии между оглядчивым консерватизмом и свободными поисками нового. И основное условие, которое может нам обеспечить решение задачи, — это ответственность писателя перед самим собой, перед своими читателями и перед Богом.

...А вы предпочли бы поездку в Орел прогулке на Сицилию?

В. РАДЗИШЕВСКИЙ